Автор: Оргкомитет
23.03.2013 08:20

Живет в Кишиневе (Молдова).

Сон млечный

На закате пугали пеструху:
на ветру распустив рукава,
пролетели у самого брюха,
не вспоров - процарапав едва.
Не упало ни капли молочной
в земляные сухие уста.
Намечталось ватрушек и сочней -
только печь горяча да пуста.

Померещилось - камушком плоским
ледяная играет вода.
Это просто поёт горихвостка
в потаённом углу у гнезда.
В конопле, в типчаке, в куреслепе

увязая, в черешневый сад
пробираются ловчие степи
на копытцах сверчков и цикад.

За холмом, где улитками дачи
заплетаются в узел тугой,
встрепенулся бубенчик собачий
под непролитой млечной дугой,
распекая луну и чихвоща
в ширину, в долготу, в высоту:
спится крепче, короче и проще
без оладий на постном свету.

Невдомёк пустолайке муругой,
как ночной темноте вопреки
к одуванному лунному лугу
отовсюду летят мотыльки,
и такая истома слепая
подбирается к сердцу, что те,
кто годами не спал, засыпают
и доверчиво льнут к пустоте.

Мурчатай

Вечер, час, должно быть, пятый -
время сбилось в мягкий ком.
В доме пахнет свежей мятой
и топлёным молоком,
на латунной сковородке
подрумянился минтай…
С колокольчиком бархотку
примеряет Мурчатай,
за окошком полетуху
созерцая вполглазка,
многострунным острым ухом
ловит золото звучка -
будто в ближнем перелеске
в пёстрых горлышках скворцов
заиграли арабески
персиянских бубенцов.

Будут и у нас когда-то
мыши толще, щи густей.
На полу - широкопятый
коврик радужных шерстей,

и на нём, совиным цугом,
нетопырьих выше стай,
над кузнечиковым лугом
пролетает Мурчатай…
…По крыльцу топочут боты -
из бекасовых болот
возвращается с охоты
Котофей Котятьич Котт,
Прибежали котенята
и давай когтить мешок…
Вьётся шёрстка, льётся мята,
ходит лунный гребешок.

Век идёт

Алеманн ли, эллин или влах -
слов не разобрать в шмелином гуде.
В скатертных миткалевых узлах
накрепко завязанные люди
будто и не слышат: за стеной
скручивая время в рог бараний,
век идёт - то редкий, то сплошной,
пятками по крышам барабаня.

Нет ему начала и конца,
просто каждый, глядя из окошка,
из его огромного лица
видит что-то - вскользь и понарошку,
подбирает имя и число:
медный глаз, пятнадцатое веко -
а потом вздыхает: "всё прошло",
и вдогонку: "ночь, фонарь, аптека...".

Век идёт и тает на лету,
обнимая тёплые скудели,
потому что жить невмоготу
в календарном гусеничном теле,
собственных не чувствуя краёв,
ни кнута не ведая, ни ига,
но по воле умных муравьёв
будучи расчисленным до мига.

Но, когда развяжется миткаль,
пленника из горсти выпуская,
встанет перед ним такая даль,

высота обрушится такая,
что, неловко прошагав квартал,
прежнего быстрей и легче втрое,
он поймёт, что век не перестал,
встанет под него - и зонт закроет.

Страница автора в Сети
Страница автора в Клубе Лауреатов